

Донна Фоли Мабри

Откровенная
история
одной семьи

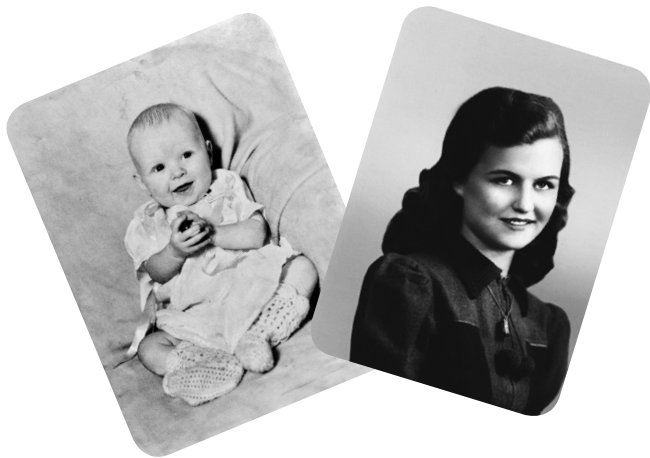
Мод

ПРОЧТИ
ПЕРВЫМ!
Отрывок из книги
В ПРОДАЖЕ С 23 ЯНВАРЯ 2018

“

Я рано поняла, что в моей
внешности нет ничего примечательного,
и свыклась с этой мыслью.

Никто еще не спрашивал меня, чего
я хочу... Ни разу. Всю свою жизнь
я делала то, чего хотели от меня другие.
Как будто я попала в бурный поток,
которому легче поддаться, чем побороть.

”

В одиннадцать лет у меня начались месячные. Я подняла корзину с бельем и почувствовала, как по ногам стекает что-то теплое. Поставила корзину, заглянула вниз и увидела красные дорожки. Со мной никто никогда не говорил об этом, но я не испугалась. Ведь я стирала белье, и уже знала, что раз в месяц у женщин идет кровь.

И все же я не чувствовала, что уже доросла до того, чтобы стать женщиной. Кровь я отстирала, помылась, подложила чистую тряпочку и отправилась к Хелен. Она сказала, это то, что роднит всех женщин. Сев рядом со мной и обняв за плечи, она уверила, что знает, каково мне.

— Когда Ева согрешила, Господь наслал на нее проклятье, и теперь каждая женщина должна страдать. Это будет происходить раз в месяц, в течение пяти-шести дней. В такие дни нельзя мыться, сидя в ванне, или мыть голову, не то заболеешь. Грустно, что у тебя они начались так рано. У некоторых девочек они приходят только в пятнадцать — вот уж кому повезло!

Затем Хелен разорвала несколько тонких старых полотенец на полоски и вручила их мне, объяснив, что с ними делать и как содержать свое тело в чистоте. Ведя хозяйство, я привыкла

к женскому труду, а теперь и мое тело превращалось в женское. Ни то, ни другое не приносило мне счастья, но ничего поделаться было нельзя.

В двенадцать лет у меня начался роман с Джеймсом Коннором. Мне он всегда нравился, и, думаю, это было заметно, потому что даже в детском саду папа то и дело подтрунивал надо мной. Однако до сей поры Джеймс не обращал на меня внимания.

В городе была всего одна школа, поэтому мы виделись каждый день. Еще он вместе с семьей посещал Церковь Святости — ту самую, куда ходили и мы. Он был на несколько лет старше, и я сразу же поняла, что теперь ему нужна совсем другая дружба. Для своего возраста я была высокой, почти как взрослая женщина, и тело мое рано расцвело. Я была не как Хелен — хрупкая, с тонкой талией, — а крепкая, как мой отец.

Джеймс был светловолосым, с ярко-синими глазами и таким высоким, что мне приходилось смотреть на него снизу вверх. И мне это нравилось: с ним я чувствовала себя не такой крупной. Лицо у него было простое, как у меня, но миловидное, улыбчивое и очень обаятельное.

С ним я чувствовала себя особенной. Если я входила вслед за ним в класс, и он меня замечал,

его лицо тотчас же озарялось, показывая, как он рад меня видеть. Никогда я не замечала, чтобы он обращал внимание на другую девушку, но при каждой встрече со мной его лицо озарялось улыбкой. Однажды, когда мы шли из школы домой, он взял меня за руку. Мне это понравилось, но на следующий день нас начали дразнить, и он больше этого не делал.

После рождения мертвого ребенка Хелен беременела по крайней мере раз в год, но всякий раз на второй или третий месяц у нее случался выкидыш. После этого она запиралась у себя в комнате на несколько дней и плакала. С каждым разом ее уверенность в способности доносить ребенка становилась все слабее. Томми обнимал ее и утешал, напоминая о словах врача, о том, что рано или поздно у них родится здоровый малыш.

Когда мне было тринадцать, у Хелен в очередной раз наступила задержка. Третий месяц миновал без происшествий, и все затаили дыхание. Доктор Уилсон велел ей по возможности соблюдать постельный режим, что она и делала. Я снова осталась единственной работающей женщиной в доме. Вставала ни свет ни заря, с первыми петухами, готовила завтрак на троих,

а также обед — для Томми, который брал его с собой на работу, и для Хелен; его я убирала в ледник, чтобы не испортился. Вернувшись из школы, я убиралась и делала прочую работу по дому, потом разогревала обед. По субботам стирала и готовила ужин на воскресенье — обычно это была жареная курица, кукурузный хлеб и картофельный салат. В воскресенье я старалась ничего не делать, разве только самое необходимое.

Пережив без происшествий третий месяц беременности, Хелен заметно повеселела. На пятый месяц животик у нее округлился, и Томми тоже слегка выдохнул. Вернувшись с работы, он целовал жену, прикладывая ладонь к ее большому животу, и разговаривал с ребенком. Он был уверен, что снова родится мальчик.

Днем Хелен сидела в своей постели и читала или беседовала с подругами, которые приходили ее навестить. Я и рада была бы присоединиться к ним, но мне было не до того: нужно было вести хозяйство. И теперь, входя в комнату к Хелен, когда там были подруги, я снова чувствовала себя чужой, совсем как в детстве.

Закончив уборку после обеда, я, бывало, усаживалась с Джеймсом на переднем крыльце. Он

был занят не меньше моего: доучивался последний семестр и собирался поступить на работу в лавку своего отца. Пока по субботам я убиралась, он играл в бейсбол. В субботний вечер он приходил в гости, и нам приходилось изо всех сил соблюдать дистанцию, следить за тем, чтобы наши стулья стояли не слишком близко друг к другу. Нам не хотелось, чтобы о нас пошли пересуды.

Рассказывая о бейсболе, Джеймс не мог скрыть своего восторга.

— По всей стране открывают стадионы, Мод! Есть команды разных уровней. Настоящие профессионалы играют в высшей лиге, и там, чтобы заработать, не нужно делать ничего — просто мяч гонять. Только представь: тебе платят за то, что ты играешь! Иногда кого-нибудь отправляют посмотреть, есть ли ребята, достойные играть на профессиональном уровне, — рассказывал он с мечтательным видом. — Один такой приезжал недавно к нам, Мод. Смотрел, как мы играем. После игры подозвал к себе троих — Генри Грэя, Филя Фуллера и меня. Стал спрашивать о том о сем, потом сказал, что еще вернется. Вот чем я хочу заниматься, Мод! Больше всего на свете мечтаю играть!

Тут Джеймс взял меня за руки и заглянул в глаза.

— А чего хочешь ты, Мод? Какой ты видишь свою жизнь?

Этот вопрос застал меня врасплох — я даже не сразу нашлась, что ответить. Спустя мгновение он переспросил:

— Мод?

Я смущенно хихикнула.

— Никто еще не спрашивал меня, чего я хочу, Джеймс. Ни разу. Всю свою жизнь я делала то, чего хотели от меня другие. Как будто я попала в бурный поток, которому легче поддаться, чем побороть.

— Ну, вот я тебя спрашиваю. Каким ты видишь свое счастье?

Я улыбнулась и посмотрела на облака. С минуту я обдумывала свой ответ.

— Я хочу закончить школу и отправиться куда-нибудь еще. Я слышала о городах, где от одного конца до другого нужно идти несколько дней. Я читала об океанах таких больших, что даже самой большой и быстрой лодке нужно несколько недель, чтобы их переплыть.

Он молчал, и через несколько секунд я добавила:

— А потом мне бы хотелось иметь собственный дом, где я повесила бы на окна красивые занавески. Хочу выйти замуж за хорошего человека, и растить детей, и состариться в кругу семьи.

Какое-то время мы сидели молча, каждый думал о своей мечте, пока не вышла Хелен и не напомнила Джеймсу, что уже поздно и что у меня еще много дел.

Шестой месяц беременности Хелен прошел гладко, а за ним — седьмой и восьмой. Она говорила, что малыш постоянно шевелится. Иногда Хелен хватала меня за руку и прижимала ее к животу. Я чувствовала, как внутри толкается что-то маленькое. Хелен была счастлива.

— Генри Матиас никогда так себя не вел — он едва шевелился. Я знаю: с этим все будет хорошо.

Я улыбалась и радовалась вместе с ней: мне не меньше, чем Хелен и Томми, хотелось, чтобы ребенок выжил.

Когда до рождения осталась неделя или две, Хелен охватила паника, и она то и дело спрашивала врача:

— Доктор Уилсон, вы уверены, что все в порядке? Откуда вы знаете? Еще не пора?

Он улыбался ей, как маленькой:

— Ты ведь знаешь, как говорят, Хелен: ребенок что яблоко — когда созреет, сам упадет. Не волнуйся, я о тебе позабочусь. И Томми, и Мод тоже.

Томми принес из амбара люльку, и я помыла ее и почистила, а потом поставила на прежнее место в своей комнате, подвинув кровать к стене, чтобы освободить место. Вытащила свои вещи из двух ящиков, расчищая пространство для маленького приданого, что я ему приготовила. Благодаря занятиям с мамой я неплохо шила и за это время наделала малышу множество крошечных сорочек и чепчиков. Конечно, это было не то что покупные — без вышивки и прочего, — но швы получились ровными, прочными, и одежды были сделаны с любовью.

Однажды, вернувшись со школы, я застала Хелен сидящей на краешке постели. Вся покрытая испариной, она с трудом глотала воздух.

— Позови врача! — выдавила она.

Я выбежала из дома и со всех ног помчалась к дому доктора, до которого было целых четверть мили. Его кабинет с маленькой приемной и смотровой располагался в пристройке к дому. Дверь была открыта, но его там не было. В приемной ждали люди — я видела их в церкви. У

одного голова была повязана, и из-под повязки сочилась кровь.

— Где он? — заорала я. — Пусть скорее приходит! У Хелен начались роды!

Все они знали, что случилось в первый раз: их порезанные пальцы подождут. Один человек встал.

— Доктор зачем-то вышел в магазин, всего с минуту назад. Я пойду его позову.

Я выбежала из пристройки и припустила обратно домой. Прибежала вся в поту и едва дыша.

— Доктор Уилсон будет через несколько минут. Что, совсем плохо? — спросила я.

Хелен с трудом кивнула, губы ее скривились от боли.

Я вспомнила прошлый раз.

— Пойду все приготовлю.

Я убежала на кухню, набрала полный таз воды и поставила на печь, но огонь никак не занимался. Я выскочила на крыльцо, цапнула пару поленьев, сложенных там же, и закинула их в печь. Кое-как занялось слабое пламя. Довольная результатом, я крепко захлопнула дверцу и бросилась за полотенцами. Остановившись на секунду, выглянула в окно проверить, не идет ли доктор, но его не было видно.

Хелен легла на спину, подтянула коленки и пристально уставилась на меня, глаза в глаза.

— Начинается, Мод. Где доктор?

Я снова выглянула в окно, но его по-прежнему не было.

— Держись, Хелен, он сейчас придет.

Взгляд у нее стал диким.

— Я не могу! Я сейчас рожу!

Сделав глубокий вдох, я отдернула одеяло. Я уже вдоволь насмотрелась на интимное место Хелен, но теперь мне нужно было знать, что происходит. Хелен была права: малыш уже выходил на свет. Вот показалась крошечная головка. Он не кричал. Мне нужно было ему помочь.

— Ты права, Хелен, ждать больше нельзя. Когда снова начнутся схватки, постарайся вытолкнуть его, чтобы я могла его схватить.

Хелен зажмурилась и напряглась изо всех сил. Показались плечики малыша. Я потянула, — видела, как в прошлый раз это делал доктор Уилсон, — но он был таким скользким, что мне никак не удавалось его ухватить. Хелен снова сделала глубокий вдох и снова потужилась. Ребенок вышел еще немного, я взяла полотенце, обернула его и попыталась снова, и наконец, извлекла его целиком. Это была девочка. Я завер-

нула ее в полотенце. Она не плакала и была вся синяя. Правой рукой я придержала крошечную шейку и перевернула ее вниз головой. Потом легонько встряхнула, но она так и не заплакала. Я несколько раз подула ей в ротик, совсем как врач в прошлый раз. Ребенок кашлянул прямо мне в рот и испустил душераздирающий крик. Это было самое прекрасное, что я слышала в своей жизни. Хелен откинулась на подушки.

Когда я подняла глаза, в комнату вошел взволнованный доктор Уилсон. Ребенок все еще кричал, и от этого крика уши сворачивались в трубочку. Доктор достал из чемоданчика инструменты, перетянул пуповину и перерезал ее. Затем взял меня за руку и отвел на кухню.

— Мне нужно позаботиться о Хелен. Заверни ребенка и отнеси на кухню. Вымой ее, да смотри, чтобы не простудилась.

Я с радостью принялась исполнять его указания. Держа малышку одной рукой, другой я соорудила на кухонном столе подстилку из свернутого одеяла. Затем набрала в таз теплой воды и искупала ребенка, смыв с него всю послеродовую слизь. Потом запеленала и завернула в одеяльце — я видела, как это делали мамочки в церкви. Все это время малышка не переставала

кричать, и от этого крика сердце мое наполнялось радостью, ведь он означал, что она жива и здорова, что все у нее будет хорошо. Я испытывала такую гордость при виде этого совершенного крошечного тельца, словно бы это был мой собственный ребенок. Она была идеального размера, кругленькая и розовая. Головка покрыта светлым пушком, того же цвета, что и у Хелен. Это была здоровая и красивая малютка.

Врач наконец закончил с Хелен и пришел ко мне — я сидела и качала ребенка в углу кухни. Девочка сладко спала, а я наблюдала за каждым ее вдохом.

— Ты отлично справилась, юная леди. Я и сам не смог бы лучше. Хелен рассказала, как ты вдохнула в нее жизнь.

От такой похвалы я просияла. Пожалуй, это был самый важный поступок всей моей жизни.

“

К ШЕСТНАДЦАТИ ГОДАМ Я УЖЕ ПОБЫВАЛА
И СИРОТОЙ, И ЖЕНОЙ, И МАТЕРЬЮ. А ТЕПЕРЬ
ВОТ СТАЛА ВДОВОЙ.

ЕСЛИ СО МНОЙ ОН БУДЕТ ОБРАЩАТЬСЯ
ТАК ЖЕ, КАК СО СВОЕЙ ЛОШАДЬЮ,
ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО.

”

Imu 17. Maerz 1892 Imu - vo...
5. Mai
Savant m... Imu.

Самая обсуждаемая книга в книжных клубах Америки

Нескладная девочка. Нелюбимая дочь. Покорная жена. Она обожала первого мужа и презирала второго. Была прекрасной матерью, но только для троих своих детей из пяти. Обыкновенная женщина с необыкновенной судьбой...

«История большой любви и величайшей трагедии».

- New York magazine

«— Ты всегда была хорошей девочкой, Мод, и во всем слушала меня. Сегодня ты выйдешь замуж, и, когда вы вернетесь домой после праздника, что бы твой муж ни захотел сделать, ты должна будешь ему это позволить. Поняла?»

В детстве Донна Фоли Мабри могла часами слушать истории своей бабушки Мод. Проработав всю жизнь швеей и выйдя на пенсию, Донна решила написать книгу о бабушке и самостоятельно разместить ее в интернет-магазине. Без какой-либо рекламы и продвижения, через пару месяцев «Мод» попала в ТОП-10 Wall Street Journal, где продержалась несколько недель, и стала **бестселлером # 1 на Amazon.com.**